

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174874-885>

Дендиев Казбек Гиланиевич
к.и.н., учитель истории Фрунзенской СОШ
Наурский район, Чеченская Республика, Россия
dendievk@mail.ru

Осмаев Аббаз Догиевич
д.и.н., профессор кафедры Древнего мира и Средних веков
Чеченский государственный университет;
главный научный сотрудник КНИИ РАН, г. Грозный, Россия
osmaev@mail.ru

ВОССТАНОВЛЕНИЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ» ПО-СТАЛИНСКИ НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ (конец 1938 г. – начало 1940 г.)

Аннотация. В статье исследуется малоизученный аспект репрессивной политики – так называемое восстановление революционной законности и порядка в СССР в конце 1930-х гг. – на примере правоохранительных органов Чечено-Ингушетии. Цель – на основе материалов центральных и региональных архивов, ранее опубликованных документов реконструировать претворение в жизнь сталинской корректировки в репрессивной практике в регионе и выявить роль в ней партийных и правоохранительных органов. Объектом исследования является репрессивная политика Советского государства в 1930-е гг. в ЧИАССР. Предмет исследования – реализация внесенных центром изменений в репрессивную политику в конце 1938 – начале 1940-х гг. в республике. В исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, классификации, сравнения и аналогии, историзма, объективности и системности. Источниковой базой работы являются архивные и опубликованные документы, в частности, протоколы заседаний бюро, пленумов Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) из Архивного управления Правительства Чеченской Республики, ГАРФ и других архивов РФ. Научная новизна исследования заключается в том, что проведено исследование периода политических репрессий на примере Чечено-Ингушской АССР конца 1938 – начала 1940 гг., когда официально было провозглашено восстановление законности порядка, на практике же репрессии продолжались, хотя пик их пришелся на 1937–1938 гг.; проанализирована роль партийных и государственных органов в реализации директив центра. Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что материалы исследования позволяют расширить научное представление о политических репрессиях в Чечено-Ингушетии. Положения и выводы работы могут быть использованы в деятельности образовательных организаций по изучению советского периода истории. Проведенное исследование, основу которого составили документы ВКП(б), показывает определенный алгоритм действий Сталина по «восстановлению» революционной законности.

Ключевые слова: Чечено-Ингушский обком ВКП(б); репрессии; корректировка; НКВД; Сталин; Н. Иванов; «враги народа»; прокуратура.

© Дендиев К.Г., Осмаев А.Д., 2021

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174874-885>

Kazbek G. Dendiev
Cand. Sci. (History), History Teacher at Frunzenskaya School
Naursky region, Chechen Republic, Russia
dendievk@mail.ru

Abbaz D. Osmaev
Dr. Sci. (History), Prof. at Department of Ancient World and Middle Ages
Chechen State University;
Principal Researcher at CI RAS, Grozny, Russia
osmaev@mail.ru

STALIN'S RESTORATION OF THE "SOCIALIST LEGALITY" IN CHECHEN-INGUSHETIA (1938-1940)

Abstract. The article explores a poorly-studied aspect of repressive politics – the so-called restoration of revolutionary law and order in the USSR in the late 1930s – on the example of law enforcement agencies of Chechen-Ingushetia. The study aims to reconstruct the implementation of the Stalinist correction in repressive practice in the region on the basis of materials from central and regional archives, previously published documents, and to identify the role of party and law enforcement agencies in it. The object of the study is the repressive policy of the Soviet state in the 1930s in the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic (hereinafter as CHIASSR). The subject of the study is the implementation of the changes made by the center in the repressive policy in the late 1938 – early 1940s in the republic. The study applies general scientific methods of analysis and synthesis, classification, comparison and analogy, historicism, objectivity and consistency. The source base of the work is archival and published documents, in particular, records of bureau sessions, plenums of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU from the Archival Department of the Government of the Chechen Republic, State Archive of the Russian Federation (hereinafter as SARF) and other archives of the country. The scientific novelty of the study lies in the fact that a study of the period of political repression was conducted on the example of the Chechen-Ingush ASSR in late 1938 – early 1940, when the restoration of the rule of law was officially proclaimed. In reality, the repressions continued, although they peaked in 1937-1938; the role of the party and state bodies in the implementation of the directives of the center is analyzed. The theoretical and practical significance of the work is determined by the fact that the research materials allow to expand the scientific understanding of political repressions in Chechen-Ingushetia. The provisions and conclusions of the work can be used in the activities of educational organizations for the study of the Soviet history. The study conducted reveals a certain algorithm of Stalin's actions to "restore" revolutionary legality.

Keywords: Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU; repressions; correction; NKVD; Stalin; N. Ivanov; enemies of the people; public prosecutor.

Политические репрессии 1930-х годов стали беспрецедентным явлением в российской практике. Жертвами беззаконий со стороны государственных органов оказались миллионы общественно активных людей. Только за четырнадцать месяцев Большого террора (1937–1938), согласно ведомственной статистике НКВД СССР, были арестованы 1575259 человек (87,1 % по политическим статьям), из которых осуждены 681692 – к расстрелу, или 50, 69%¹. Для сравнения: за 1930–1936 гг. высшая мера наказания была вынесена в отношении 40137 чел.²

Лишь на рубеже 1980–1990-х гг. в СССР официально была дана правовая оценка антинародной политике Сталина.

Выдвижение новой демократической России в европейское правовое пространство с развитым гражданским обществом делает обращение к истории нарушений конституционных прав человека и гражданина чрезвычайно важным и актуальным. Отсюда одной из самых обсуждаемых проблем за последние два десятилетия в современной исторической науке стало исследование механизма управления операцией по приказу НКВД №0447 Политбюро и правоохранительными органами.

В коллективной монографии М. Юнге, Г. Бордюгова, Р. Биннер «Вертикаль большого террора» рассматривается «кулацкая» операция НКВД № 00447, анализируются основные этапы, направления, роль партии и репрессивных органов в реализации оперативного приказа НКВД. Каждой группе документов предшествуют авторские разъяснения. Ценность работы повышает параграф по проблеме восстановления «социалистической законности». Контекстно, в ряде других республик, упоминается и Чечено-Ингушетия [1].

В рамках исследовательского проекта особое место занимает и совместное российско-украинско-немецкое исследование, раскрывающее специфику реализации репрессий в отношении целевых групп населения, отнесенных Сталиным к «антисоветским элементам». В основу монографии Марка Юнге «Сталинизм в советской провинции, 1937-1938 гг. Операция №00447» легли исследования, проведенные в пяти областях Советского Союза, различающихся между собой не только экономически, географически, но и в социально-демографическом плане. По мнению авторов, это должно было способствовать раскрытию региональных особенностей [2].

Изучению государственного террора посвятили украинско-немецкие ученые (М. Юнге, Р. Биннер, С.А. Кокин, С.Н. Богунов, Г.В. Смирнов, Б. Бонвеч, О.А. Довбня, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов) документальный труд «Через трупы врага на благо народа», который представляет наиболее полную публикацию архивных материалов и статистических данных, раскрывающих проведение Большого террора в Украине. Во втором томе рассматривается завершение операции и восстановление «социалистической законности» [3].

1 Справка о количестве осужденных по делам органов НКВД за 1937-1938 годы // Государственный архив Российской Федерации (здесь и далее – ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 202.

2 Справка о количестве арестованных и осужденных по делам органов ОГПУ-НКВД за 1930-1936 годы // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 203.

Изучению социального механизма сталинского террора посвящен фундаментальный труд американского историка Венди Голдман. На основе обширного круга документов, ученый прослеживает трансформацию роли профсоюзных органов, посредством которых руководство страны и претворяло партийные директивы в жизнь. По ее мнению, террор носил характер расчетливо продуманного и направляемого удара сверху [4].

В качестве самостоятельного исследования раскрываемой проблемы нам представляется книга М. Юнге и Линн Виола, Джеффри Россман «Чекисты на скамье подсудимых». Научный труд посвящен исследованию жизни и деятельности работников репрессивных органов, позднее превратившихся в «жертв» за нарушения «социалистической законности». Авторы делают вывод, что историография террора часто основывается на показаниях ограниченного числа чекистов, признающих применение пыток, фабрикации следственных дел и манипуляции показаниями свидетелей [5].

Проблемы репрессивной политики легли в основу исследований В. Хаустова, Самуэльсон Л., сделавших сенсационный вывод о том, что накануне Большого террора «непосредственной угрозы нападения на Советский Союз не существовало, оставались потенциальные военно-политические опасности» [6].

Исследование Эпплбаум Э. «Паутина Большого террора» представляет уникальное свидетельство быта и нравов заключенных советских лагерей со времени их создания до демонтажа 1986 году. На сегодняшний день это самый документированный труд изучаемой проблеме [7].

Региональные особенности сталинской репрессивной политики на конкретно-исторических материалах республик рассматриваются в исследованиях Степанова А.Ф. (Татарстан), Максимова К.Н. (Калмыкия), Какагасанова Г.И. (Дагестан), Эльбуздукаевой Т.У. (Чечено-Ингушетия) и др. [8; 9; 10; 11].

На наш взгляд, не все стороны феномена политических репрессий достаточно изучены. Проведенный историографический анализ литературы свидетельствует, что исследуемая проблема в регионах не стала еще предметом специального исследования.

В августе 1938 г. первым заместителем Народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова стал Л.П. Берия. Собственно, с его именем и связывается начало процесса свертывания кампании массовых операций. Однако, как полагают составители сборника документов по истории Большого террора «ослабление этой политики» продиктовано «целым рядом внешнеполитических и внутриполитических факторов», заставивших И. Сталина скорректировать свою политику [12, с. 7].

В ноябре 1938 г. ЦК ВКП(б) принимает несколько важных для страны решений. 14 ноября 1938 г. за № П 4384 секретное постановление ЦК ВКП(б) «Об учете и проверке в партийных органах ответственных работников НКВД СССР» устанавливает перечень ответственных работников, подлежащих учету, проверке и утверждению. С делом каждого из утверждаемых работников был обязан лично ознакомиться заведующий ОРПО (отдел руководящих партийных

органов) и один из секретарей. При утверждении начальников городских и районных отделений НКВД необходимо было иметь от соответствующего горкома, райкома ВКП(б) на каждого утверждаемого работника отзыв первого секретаря, согласованный с членами бюро горкома, райкома ВКП(б). Всю работу по учету, проверке и утверждению работников НКВД необходимо было закончить не позднее 1 января 1939 г. и прислать в ЦК ВКП(б) полный отчет о результатах этой работы [12, с. 604–606].

15 ноября 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает проект постановления «Вопрос Прокуратуры СССР», в котором «строжайше приказывается»: «1. Приостановить с 16 ноября с.г. впредь до особого распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в Военной Коллегии Верховного Суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином, упрощенном порядке» [12, с. 606]. 17 ноября 1938 г. выходит постановление СНК и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». С одной стороны, в документе обозначена проделанная под руководством партии в «1937–1938 годах НКВД положительная работа по разгрому врагов народа...», но с другой стороны – содержится критика «упрощенного ведения следствия и суда». При упрощенном порядке следствия процедура рассмотрения «дела» осуществлялась без участия сторон обвинения и защиты с последующим немедленным приведением приговора в исполнение. Сложившийся порядок являлся нарушением ст. 111 Конституции СССР об открытости судопроизводства и прав обвиняемого на защиту и обжалование приговора в кассационном порядке.

Директива предписывала: 1. Запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. 2. Ликвидировать судебные тройки. 3. Аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора и в строгом соответствии со ст. 127 Конституции СССР [12, с. 609].

Постановление устанавливало, «что за каждый неправильный арест, наряду с работниками НКВД, несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор». Вместо упраздненных внесудебных «троек» ВКП(б) разрешало НКВД организовать в оперативных отделах специальные следственные части из «наиболее проверенных политически и зарекомендовавших себя на работе квалифицированных членов партии» [12, с. 607–611].

Принятие на высшем уровне судьбоносных для страны решений создавало в обществе видимость правовой защищенности, возрождения утраченных конституционных норм судопроизводства и реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Однако на практике по-прежнему действовала установка на продолжение беспощадной борьбы с врагами СССР, при помощи «более совершенных и надежных методов», сохранялось Особое Совещание при НКВД СССР. Ответственность за «искривления» политики партии, нарушения прав человека, использование недозволенных методов следствия И. Сталин возложил на

«пробравшихся в органы НКВД врагов народа и шпионов». В постановлении отмечены практикуемые следственные методы и приемы: извращение советских законов, подлоги, фальсификация следственных документов, привлечение к уголовной ответственности и аресту по пустяковым основаниям, создание в провокационных целях «дел» против невинных людей. Обращая внимание на негативные стороны следственной практики, постановление заключает, что враги народа «принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности». И такого рода факты, по свидетельству документа, «имели место в центральном аппарате НКВД, так и на местах» [12, с. 609]. Таким образом, новым объектом террора режим установил послушных проводников и исполнителей воли сталинского ЦК – чекистские кадры.

В конце ноября 1938 г. Н.И. Ежов был снят с поста наркома внутренних дел, а в 1939 г. привлечен к суду и расстрелян [13, с. 158]. В новых условиях, сложившаяся практика судебно-следственной работы правоохранительных органов явно не вписывалась в реалии времени, очевидной становится необходимость возврата к нормам УПК РСФСР и Конституции СССР.

Рассмотрим, как на практике областная партийная организация ЧИАССР реализовала директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г.

Важнейшее постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» обком ВКП (б) выносит на обсуждение бюро лишь 29 ноября 1938 г. Обращает внимание не столько позднее внесение документа в повестку работы бюро, сколько очередность его рассмотрения. Директива, согласно списочному порядку, заслушивается двадцать второй по счету³.

Анализ использованных источников свидетельствует, что в конце 1930-х гг. в ряде регионов отмечены схожие явления и даже случаи внесудебных казней заключенных. Так, «секретарь Крымского обкома ВКП(б) А. Сеит-Ягьяев, член тройки, 25 и 26 ноября 1938 г. подписал несколько протоколов о расстреле большого количества людей, оформив их задним числом» [14].

Возможно, что к позднему обсуждению значимого постановления от 17 ноября 1938 г. обком Чечено-Ингушетии подошел прагматически. Необходимость зачистки следов «извращений» судебно-следственной практики, в том числе и разгрузка переполненной республиканской тюрьмы НКВД была очевидна. Отметим, что на 1 января 1939 г. в ЧИАССР содержалось 2860 заключенных, из них: чеченцев – 1313; ингушей – 240⁴.

В то же время обращает на себя внимание и другая особенность: в аппарате органов НКВД Чечено-Ингушетии внешне ничто не указывало на грядущие изменения. Местные органы наркомата продолжали работать в привычном режиме. В декабре 1938 г., в соответствии с постановлением № П 4384 от 14 ноя-

3 Протокол №46 заседания бюро Чечено-Ингушского Обкома ВКП (б) от 29 ноября 1938 г. // Архивное управление Правительства Чеченской Республики (здесь и далее – АУП ЧР). Ф. Р-1212, оп. 1. Д. 513. Л. 133-134.

4 Сведения о движении и составе содержащих под стражей в Местах заключения НКВД Чечено-Ингушской АССР за IV кв. 1938 г. (по состоянию на 1 января 1939 г.) // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 352. Л. 103 об.

бря 1939 г., обком партии утвердил наркомом внутренних дел Н.И. Иванова и 18 начальников районных отделений (Н.Х. Исаков, Г.И. Сазонов, Г.Ю. Порванецкий и другие), а также характеристики на лиц начальствующего состава: Данилова Н.И., член ВКП(б) с мая 1920 г., пом. начальника 4 отдела УГБ, участника разоблачения вредительской организации в Наркомземе республики и дашнакской шпионской террористической организации в Грозном; Ковякова И.П., нач. спец. отделения УГБ НКВД ЧИАССР, активного участника в борьбе с врагами народа и др.⁵

Показательна и характеристика Никиты Ивановича Иванова, члена партии с 1919 г., образование «низшее», «...как непримиримого борца за дело партии Ленина-Сталина, против заклятых врагов народа-троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических бандитов. При выборах в Верховные Советы СССР и Чечено-Ингушской АССР тов. Иванов избран депутатом Верховного Совета СССР и Чечено-Ингушской АССР»⁶. Нарком, отмеченный правительством «за выдающиеся заслуги» перед партией Ленина-Сталина боевым орденом «Красной Звезды» в декабре 1937 г., юбилейной медалью «XX лет РККА» и особо ценным в чекистских кругах «знаком почетного чекиста», из соображений конъюнктуры объявляется врагом народа. 2 января 1939 г. Ф.П. Быков сообщил членам бюро обкома ВКП(б) об аресте Н.И. Иванова⁷. А еще через несколько недель, 28 января 1939 г., на IV партийной конференции «главный чекист» республики будет заочно выведен «из состава членов Пленума Чеч.-Инг. Обкома ВКП(б)»⁸.

С назначением наркомом внутренних дел ЧИАССР П.Н. Рязанова, прикомандированного от НКВД СССР, происходит очередная ротация с последующим уничтожением «ежовских» кадров в системе. Областная партийная организация утверждает новые кандидатуры на должность начальника отдела кадров НКВД В.Г. Головина, нач. 4 отдела УГБ НКВД Н.Н. Данилова, помощника наркома М.А. Ефимова и др.⁹.

Кадровые изменения имели место и в органах Прокуратуры ЧИАССР: начальником следственного отдела прокуратуры обкомом партии утвержден Койда В.Т., член партии с 1931 г., помощники прокурора по спец. делам Зуев Леонид Иванович, член партии с 1931 г., и Храмов Николай Васильевич, член партии с 1920 г.¹⁰

5 Протокол №50 заседания бюро Чечено-Ингушского Обкома ВКП (б) от 15 декабря 1938 г. // АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1. Д. 514. Л. 11-14, 70-74, 69-70; Протокол №53 Заседания бюро Чечено-Ингушского Обкома ВКП (б) от 29-30 декабря 1938 г. // АУП ЧР. Ф. Р-1212, Оп. 1. Д. 514. Л.143-145.

6 Протокол №50 заседания бюро Чечено-Ингушского Обкома ВКП (б) от 15 декабря 1938 г. // АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1. Д. 514. Л. 69-70.

7 7 Протокол №50 заседания бюро Чечено-Ингушского Обкома ВКП (б) от 15 декабря 1938 г. // АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1. Д. 514. Л. 69-70.

8 Протокол №56 заседания бюро Чечено-Ингушского Обкома ВКП (б) от 11 января 1939 г. // АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1. Д. 515. Л. 77-79.

9 9 Протокол IV-го Пленума Чечено-Ингушского Обкома ВКП (б) от 28 января 1939 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 5736. Л. 3.

10 10 Протокол №61 заседания бюро Чечено-Ингушского Обкома ВКП (б) от 29 января 1939 г. АУП ЧР. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 516. Л. 33-34.

Между тем, Н. Иванов дает следствию «признательные» показания. Не имея доступ к ведомственным архивам, трудно назвать число осужденных бывших чекистов. Одним из тех, кого под пытками «сдал» нарком начальник 3 отдела УГБ А.П. Порубай, 1900 г.р., бывший член ВКП(б), арестованный по ст. 58 п.п. 7 и 11 УК РСФСР 3/II-1939 г. Обратимся к документу. А.П. Порубай «участник антисоветской правотроцкистской заговорщической организации. В конце 1937 г. установил антисоветскую связь с руководителем организации Ивановым Н.И., по заданию которого и совместно с ним проводил подрывную работу в органах НКВД. Сфальсифицировал следственные дела на Хамзатханова, Алиева, Хасиева, Кадилова, Ухуева, Мутушева (осуждены к высшей мере наказания). Проводил незаконные аресты. Применял извращенные методы ведения следствия и понуждал арестованных к даче заведомо ложных показаний. По антисоветской работе был также связан с осужденными врагами народа: Раевым, Дементьевым» [15]. Инкриминируемые обвинения в антисоветской деятельности А. Порубаю являлись типичными в следственной практике тех лет. Констатация компрометирующих связей с осужденными врагами народа в глазах следствия придает резонансному делу особую пикантность, значительно повышающую его значимость. Схожие «деяния» по УК РСФСР предусматривали «расстрел с конфискацией всего имущества».

Разумеется, в действительности не существовало контрреволюционной заговорщической организации в системе НКВД ЧИАССР, равно как и ранее «выявленных» чекистами антисоветских «вредительских, шпионских, буржуазно-националистических организаций и групп». Все они являлись «творением» местных спецслужб, для обоснования которых применялись нечеловеческие методы физического и психологического воздействия на подследственных.

Собственно, это подтверждает А. Авторханов, свидетель на заседании суда Военного трибунала. «В зале суда на скамье подсудимых я увидел весь аппарат ежовского НКВД во главе с Ивановым, Алексеенко, Леваком и Кураксиным. Их бледные измученные лица свидетельствовали, что они тоже прошли через те пытки, каким они сами подвергали свои жертвы. Они были в чекистских формах, но без орденов и знаков различия (суд еще не состоялся, а их уже лишили званий и орденов)» [16, с. 517].

Интересна юридическая новация: суд еще не вынес обвинительного вердикта, а подследственных «уже лишили званий и орденов». Подобное не считалось нечто исключительным в юридической практике. Данный аспект указывает на политическую 58 статью УК РСФСР, разбираемую Военным трибуналом войск НКВД на основе закона от 1 декабря 1934 г.

Практика произвольного лишения знаков отличия и званий, использование физического и психологического воздействия к подследственным являлось грубым нарушением конституционных прав человека и соответствующих норм УПК РСФСР. Тот факт, что пытки были санкционированы руководством правящей партией, подтверждает разъяснение И. Сталина (10 ноября 1939): «ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно

применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». В заключение Сталин в категоричной форме предписывает секретарям обкомов, райкомов, ЦК нацкомпартий, «чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим объяснением» [17, с. 145]. Таким образом, выдержка из телеграммы Сталина свидетельствует, что принуждение лиц к даче показаний, в том числе и самооговору, имело под собой политическую подоплеку.

Другим фоновым событием местного масштаба стало дело осужденного сержанта госбезопасности чеченской национальности. Из обвинительного приговора Военного Трибунала вытекает, что подсудимый, войдя в преступное сообщество, представил в НКВД Чечено-Ингушетии «ряд заведомо ложных провокационно-клеветнических материалов» о существовании контрреволюционной группы, готовившей террористические акты против партийных и советских руководителей республики. Судебное следствие закрытого заседания войск НКВД установило, «что провокаторская деятельность подсудимых, сводилась к тому, чтобы под видом бдительности и разоблачения врагов показать себя перед общественностью разоблачителями врагов и создать себе карьеру». На основе его провокационных материалов невинные Мустафинов Юсуп и Мациев Хамит были приговорены к расстрелу. Выездная Сессия Военного Трибунала СКВО в августе 1940 г. выносит решение об осуждении бывшего сержанта госбезопасности на 15 лет исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в гражданских правах еще на 5 лет¹¹.

Жертвами процесса т.н. восстановления социалистической законности и порядка стали чекисты, возглавлявшие в разные годы республиканские спецслужбы – С.Н. Миронов, В.Ф. Дементьев, М.Г. Раев. Арестованные как участники антисоветской, правотроцкистской шпионско-заговорщической организации, по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР они были расстреляны.

Не обошли репрессии и бывших политических противников Сталина, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Одним из немногих, кому Сталин в январе 1937 г. «даровал» жизнь был Карл Радек. 19 мая 1939 г. в Верхнеуральской тюрьме «троцкист» Варежников задушит видного партийного деятеля и публициста. Под вымышленной фамилией убийцы и значился «зашифрованный Степанов И.И.», осужденный за должностные преступления бывший комендант тюрьмы НКВД Чечено-Ингушской АССР. За выполнение важного «специального задания», по распоряжению Берия в ноябре 1939 г. И.И. Степанов досрочно освобожден¹².

На пути к неограниченной власти Сталин не гнушался пользоваться услугами специалистов узкого профиля, подобных палачу И.И. Степанову, приводившему смертные приговоры в исполнение. Даже сегодня не представляется возможным установить примерное число расстрелянных в Чечено-Ингушетии

11 Личное дело № 6595 спецпоселенца Далдаева Н.М.// АУП ЧР. Ф. Р-1094, Оп. 5. Д. 9031. Л. 1–2.

12 Сталинский заказ. Как убивали Сокольникову и Радека // Новая газета. 2008. 5 июня.

людей и места их захоронений: система умела хранить свои тайны.

Также считаем, что политические обвинения, предъявляемые бывшим работникам НКВД, были идентичны инкриминируемым в 1937–1938 гг. «врагам народа». К примеру, Егоров Василий Григорьевич, I секретарь Чечено-Ингушского Обкома ВКП(б), был обвинен в том, что с 1922 г. он являлся агентом немецкой разведки. В 1936 г. якобы вошел в северокавказскую фракцию правотроцкистской организации. Возглавлял правотроцкистское подполье в республике. По его заданию якобы «срывалась добыча нефти, совершались диверсионные акты с человеческими жертвами». При проведении хозполиткомпаний грубо извращались директивы партии и т.п. Он был арестован 30 апреля 1938 г., осужден 13 июля 1941 г. к 20-ти годам лишения свободы [15].

Наивно было бы думать, что репрессии прекратились после выхода постановления 17 ноября 1938 г. Напротив, по контрреволюционным статьям они еще более активизировались, что явствует из «статистических сведений о числе осужденных судами РСФСР за период с 1923 по 1955-й гг.». Так, в среднем за 1939 в г. количество осужденных судами отмечено в 5151 случаях, в то время как в 1940 г. их количество возросло почти в два раза и составило 9187¹³.

Анализируемые данные дополняются рассекреченными сведениями другого фонда. В январе 1939 г. общее число осужденных по контрреволюционным преступлениям (форма отчетности № 5) составило 22296, а во втором квартале (на 1 июня 1939 г.) аналитиками фиксируется резкое повышение – 29625. В третьем квартале (на 1 октября 1939 г.) отмечено уже понижение – 28725¹⁴. Таким образом, на основе использованных источников мы можем констатировать спады и подъемы террора против мнимых и реальных политических оппонентов Сталина.

Ввиду важности для исследования приводим перечень утративших силу приказов, циркуляров и распоряжений НКВД СССР» (пр. № 00762 от 26 ноября 1938):

№ 00439 от 25 июля 1937 года – оперативный приказ «Об операции по репрессированию германских подданных, подозреваемых в шпионаже против СССР»; № 00447 от 30 июля 1937 года – оперативный приказ «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»; № 00485 от 11 августа 1937 года «Об операции по репрессированию членов Польской военной организации (ПОВ) в СССР»: № 00593 от 20 сентября 1937 года – оперативный приказ «Об операции по репрессированию бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов Маньчжоу-Го»; № 49990 от 30 ноября 1937 года – шифротелеграмма НКВД СССР о проведении операции по репрессированию латышей; № 50215 от 11 декабря

13 Таблица числа осужденных судами РСФСР // ГАРФ. Ф. 353. Оп. 16. Д. 20. Л. 6.

14 Сведения формы №5 о составе заключенных, содержащихся в ОИТК УНКВД-НКВД за I кв. 1939 г. // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 353. Л. 12; Сведения формы №5 о составе заключенных, содержащихся в ОИТК УНКВД-НКВД за II кв. 1939 г. (на 1 июля 1939 г.) // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 353. Л. 47; Сведения формы № 5 о составе заключенных, содержащихся в ОИТК УНКВД-НКВД за III кв. 1939 г. (на 1 октября 1939 г.) // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 353. Л. 76.

1937 года – директива НКВД СССР по «Греческой операции»; № С-74 от 13 января 1938 года – приказ НКВД о порядке оформления справок, направляемых на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР; № 202 от 29 января 1938 года – директива НКВД СССР «Об арестах иранцев и иранских армян» наркомам внутренних дел республик, начальникам УНКВД, начальникам ДТО ГУГБ НКВД, начальникам 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 11-го отделов ГУГБ НКВД СССР; № 326 от 16 февраля 1938 года – меморандум НКВД СССР об аресте всех подозревавшихся в шпионской, вредительской, диверсионной, террористической, повстанческой и националистической работе афганцев (афганских подданных и советских граждан); № 00606 от 17 сентября 1938 года – приказ НКВД СССР «Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др.; № 189 от 21 сентября 1938 года – циркуляр НКВД СССР «Разъяснение о применении приказа НКВД СССР № 00606 1938 г.» и др., всего 18 документов [12, с. 612–614].

Таким образом, к регламентации законодательной основы, обуславливающей динамику, идеологические, количественные и процессуальные основы террора власть подходила из тактических соображений, но при сохранении стратегического курса партии.

Предпринятая попытка реконструкции сталинского восстановления порядка и социалистической законности на примере отдельно взятого региона затронула важную составляющую всего исследования – взаимодействие партии и правоохранительных органов, реализующих политическую линию И. Сталина. Надеемся, что дальнейшая работа откроет новый горизонт для исследований других сторон репрессивной политики, оставшихся за рамками данной статьи

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юнге М., Г. Бордюгов, Биннер Р. Вертикаль большого террора. М.: «Новый хронограф», АИРО – XXI, 2008, 784 с.
2. Юнге М., Бонвеч Б., Биннер Р. Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг.: массовая операция на основе приказа № 00447 / Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [и др.]. Москва: РОССПЭН, 2009. – 926 с.
3. Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР: 1937-1941 гг. / М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер [и др.]; под общ. ред. О.А. Довбня. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. I. 743с., Т. II. 711 с.
4. Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий / Пер. с англ. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2010. – 335 с.

REFERENCES

1. Junge M., Bordyugov G., Binner R. *Vertical big terror*. M.: «New chronograph», AIRO-XXI, 2008, 784. (In Russ)
2. Junge M., Bonvech B., Binner R. *Stalinism in Soviet verification: 1937-1938. Map of operations based on cover No. 00447*. M.: Russian police encartopedia (ROSSPEN)/(In Russ)
3. *Through the corpses of the enemy for the benefit of people. "General operation" in the Ukrainian SSR: 1937-1941* / M. Junge, S.A. Kokin, R. Binner, etc.]; sanity. Reed. O.A. Dovbnya. In 2 t. M.: ROSSPEN, 2010. T. I. 743с., Vol. II. 711 Sol. (In Russ)
4. Goldman V. *Hour. Terror and democracy in the era of steel: Social dynamics of repression* / translated from the English M. Foundation "Presidential Center of B.N. Yeltsin": ROSSPEN, 2010. 335/ (In Russ)

5. Чекисты на скамье подсудимых: сборник статей / сост. Марк Юнге, Линн Виола, Джеффри Россман. Москва: Пробел – 2000, 2017. 679 с. (In Russ)
6. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. Москва: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2010. – 430 с. (In Russ)
7. Энпльбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора / Пер. с англ. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2006. – 606 с. (In Russ)
8. Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту: из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань, 1999. – 311 с. (In Russ)
9. Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918-1940-е годы. М.: Наука, 2004. – 309 с. (In Russ)
10. Какагасанов Г.И. Массовые репрессии 20-40-х и начала 50-х годов XX века в Дагестане и их последствия (историко-документальное исследование). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, Алеф, 2020. – 234 с. (In Russ)
11. Эльбуздукаева Т.У. Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920-1930 годы. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015. 840 с. (In Russ)
12. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938 / В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова; под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004. (In Russ)
13. Антонова Л.В., Просви́рова Т.А. История спецслужб России. М.: ООО Дом Славянской книги, 2010. – 478 с. (In Russ)
14. Тепляков А. Г. Процедура: Исполнения смертных приговоров в 1920-1930-х годах. М.: Возвращение, 2007. – 107 с. (In Russ)
15. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] / подгот.: Междунар. о-во «Мемориал» [и др.]. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Звенья, 2004. – 2 электрон. опт. диска (CD). (In Russ)
16. Авторханов А.Г. О себе и времени: Мемуары. М.: ДИКА-М, 2003. – 734 с. v17. Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145. (In Russ)
5. *Sheets on the dock: a collection of statistics / conditions.* Mark Junge, Lynn Viola, Jeffrey Rossman. Moscow: Blank – 2000, 2017. 679
6. Khaustov C., L. Samuelson. *Stalin, the NKVD and the Repressions of 1936-1938.* Moscow: The Foundation of the New President of Russia B.N. Yeltsin”: ROSSPEN, 2010. 430 Sol.
7. Applebaum E. *GULAG. The Web of the Great Terror /* Translated from English by M.: Moscow School of Political Studies, 2006. 606 p.
8. Stepanov AF. *Execution by limit: from the exploitation of political repression in the TASSR during the years of “yeshovshchina”.* Kazan, 1999.
9. Maksimov KN. *Tragedy of the People: Repressions in Kalmykia. 1918-1940-or the years.* Moscow: Nauka, 2004. 311c.
10. Kakagasanov GI. O. *Mass repressions of the 20-40s and early 50s of the XX century in Dagestan and their sequence (historical and documentary research).* Makhachkala: IIAE of the Russian Academy of Sciences, Alef, 2020. 234
11. Elbuzdukayeva TU. *On Political repression on the territory of the word and the English language in 1920-1930.* Makhachkala: ALEF (IP Ovchinnikov M.A.), 2015. 840
12. *Lubyanka. Stalin and the main directorate of state security of the NKVD. Stalin’s archive. Documents of the highest organic party and respected authorities. 1937-1938 /* V.N. Khaustov, V.P. L. Naumov, N.S. Plotnikova; post rib. Acad. A. N. Yakovlev. Moscow: MFD, 2004. C. 7, 604 to 606, 607-611, 612-614.
13. Antonova LC, Prosvirova TA. *History of foreign services.* M.: OO Home Slavic books, 2011. C. 158
14. Teplyakov A. *Process: implementation estimated printers in the 1920s-1930s* [Electronic resource]. URL: / <https://collib/b/398460/read> (accessed May 5, 2021).
15. *Stalin’s executions* [Electron resource]. Moscow: Ed. Sound, 2013. 2 electrons, opt. A disc (CD-ROM).
16. Avtorkhanov A.G. *About myself and time: Memoirs.* M.: DIKA-M, 2003. – 734 p.
17. Khrushchev NS. *On the cult of personalities and its completion //* Izvestiya CC KPP. 1989. No. 3. P. 145.

Статья поступила в редакцию 12.06.2021 г.